

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ КИБРИК: ОТ СТРУКТУРАЛИЗМА К НОВЫМ ИДЕЯМ

Алпатов В. М. (v-alpatov@yandex.ru)

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Деятельность А. Е. Кибрика отразила процесс движения от структурной к функциональной лингвистике; этот процесс характерен для всё современной лингвистики, но А. Е. Кибрик очень чётко сформулировал принципы новой парадигмы, особенно в статье «Лингвистические постулаты» (1983/1992). Он указал на ограниченность структурной лингвистики, изучающей лишь структуру языка. Он писал, что необходимо изучать лингвистические явления вместе с мыслительной деятельностью говорящего человека, призывал выявлять языковые процессы так, как они происходят «на самом деле», подчёркивал центральную роль семантики в языке. Теперь развитие лингвистики происходит в направлении, указанном А. Е. Кибриком тридцать лет назад.

ALEXANDR EVGENJEVICH KIBRIK: FROM STRUCTURALISM TO NEW IDEAS

Alpatov V. M. (v-alpatov@yandex.ru)

The Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

The activities of A.E. Kibrik reflected the process of movement from the structural linguistic to the functional one; this process is characteristic for the modern linguistics but Kibrik formulated the main principles of a new paradigm very precisely, especially in his article “Linguistic postulates” (1983–1992). He pointed to the narrowness of the structural linguistics studying only the structure of the language. He wrote that it is necessary to study linguistic phenomena with the mental activity of speaking persons, called to reveal linguistic processes as a matter of fact, emphasized the central role of semantics in the language. Now linguistics develops in the direction that was determined by A. E. Kibrik thirty years ago.

Александр Евгеньевич Кибрик (1939—2012) внёс вклад в самые разные области науки о языке: синтаксис и семантику, типологию и полевою лингвистику, кавказоведение и прикладное языкознание. Его всегда влекли теоретические проблемы, но он умел анализировать и самые конкретные языковые факты. И прикладные исследования занимали в его научном творчестве

большое место. Кстати, и многолетнее его преподавание на ОСИПЛ началось (если не считать недолгого ведения курса латыни) с чисто прикладного курса, где он рассказывал студентам проводимую им на кафедре хозяйственную работу. И в, пожалуй, главной теоретической книге А. Е. Кибрика [Кибрик 1992], которой в основном посвящён доклад (далее в ссылках на неё будет указываться лишь номер страницы), одна из её четырёх частей (261–323) называется «Приложения языкознания».

Но я, прежде всего, хочу рассмотреть развитие в работах А. Е. Кибрика самых общих и вечных проблем лингвистики. Представляется, что он, как никто другой в отечественном языкознании, отразил в своих публикациях происшедшую во второй половине XX в. смену научной парадигмы, переход от изучения языка «в себе и для себя» к исследованию языкового функционирования.

Годы, когда Александр Евгеньевич начал заниматься лингвистикой, в советской науке о языке характеризовались противостоянием структуралистов и так называемых традиционалистов (последние в отличие от структуралистов не составляли какого-либо единства). А. Е. Кибрик с самого начала принадлежал к структурному лагерю, одним из центров которого была кафедра МГУ, тогда возглавлявшаяся В. А. Звегинцевым, на которой Александр Евгеньевич проработает всю жизнь.

Тогда на кафедре и вокруг неё господствовали идеи позднего структурализма, в этом духе воспитывали студентов. Грубо говоря, принято было сочетать постулаты, шедшие от Ф. де Соссюра (изучать язык, а не речь; соблюдать чисто лингвистический подход), и появившееся позже стремление всё математизировать. Идеалом казалось максимальное приближение лингвистики к математике, и в подходах, и в языке. Начиная от Ф. де Соссюра, считалось нужным ограничиваться развитием «внутренней лингвистики», исследующей устройство языка.

К автономии лингвистики стремились представители структурной лингвистики разных направлений. Согласно дескриптивистам (З. Харрис), лингвист изучает лишь повторяющиеся свойства речевых отрезков, а всем прочим из связанного с языком должны заниматься антропологи, психологи, литературоведы и пр. Л. Ельмслев считал, что лингвистическая теория строится чисто произвольно как исчисление, независимо от конкретных языков. Даже более умеренный Н. С. Трубецкой, занимавшийся не только лингвистикой, писал Р. О. Яковсону в 1929 г.: «К сожалению, надо признаться, что такой «культурно-исторический» уклон в современной русской лингвистике существует, и что наша «структуральная» лингвистика вовсе не является господствующей. Яковлев напр. весь в культурно-исторических соблазнах» [Трубецкой 2004: 131]. То есть, с его точки зрения, структурный и «культурно-исторический» подходы были несовместимы.

Лингвисты структурного лагеря тех лет (всё же с разной степенью последовательности) обрывали связи своей науки с другими гуманитарными дисциплинами, оставляя эти связи на долю «традиционалистов». Характерно и игнорирование в те годы социолингвистики научным окружением А. Е. Кибрика и большинством выпускников ОСИПЛ (В. И. Беликов — одно из редких исключений). Это отчасти происходило по экстралингвистическим причинам,

но и собственно научная ситуация способствовала тому, что и социолингвистика оставлялась «традиционалистам».

Уровень развития той или иной науки тогда (не только среди лингвистов) измерялся по степени использования в ней математики. А математика — всё-таки совершенно особая наука, в том числе и в том отношении, что она стремится к сложности. Ряд лингвистов использовал крайне сложный математический аппарат для построения моделей очень простых, в сущности, явлений, которые давно изучали без каких-либо усложнений. Здесь нельзя не назвать Ю. К. Лекомцева, настоящего подвижника науки, он продолжал трудиться, несмотря на тяжёлую болезнь. Его деятельность вызывала уважение, но вставал вопрос: нужно ли строить математическую модель, скажем, понятия фонемы, если и пражцы, и москвичи добивались в фонологии результатов и без этого.

Математический идеал сложности влиял и на собственно лингвистические подходы. И. А. Мельчук, оставшийся верным этому идеалу и в другую эпоху, пишет по проблеме слова: «Лингвисты не случайно веками искали определение этому понятию: как и все базовые понятия, «слово» — это очень сложный объект. Его описание требует углубленного анализа многочисленных фактов, большого числа промежуточных понятий, а также исследований в смежных областях, которые сами по себе не менее сложны» [Мельчук 1997: 95–96]. Замечу, что многократные попытки такого «углубленного анализа», предпринимавшиеся многими учёными, мало что дали.

В целом можно сказать, что испокон веков перед лингвистами стояли три вопроса: «Как устроен язык?», «Как изменяется язык?» и «Как функционирует язык?». Первый из них исторически начал изучаться первым (если говорить о европейской традиции, то в Древней Греции). В XIX в. наука сосредоточилась на изучении изменений. С начала XX в. структурный подход снова, на более высоком уровне занялся устройством языка. Вопросы же функционирования языка до середины XX в. ставили лишь немногие учёные (В. фон Гумбольдт, позднее Э. Сепир), при замечательных догадках ещё не имевшие метода.

А. Е. Кибрик, начинавший работать в рамках, установленных структурализмом, и позже, в главном изменив точку зрения, отдавал должное науке тех лет. «Лингвистика... занималась... инвентаризациями и классификациями наблюдаемых единиц различных типов... Такой этап был необходимым звеном в эволюции лингвистики и проделанный ею труд был поистине титаническим» (26). «Метод «черного ящика» действительно оказался полезным на начальных этапах моделирования» (19). «Алгоритмическое мышление на определенном этапе имело революционное значение для лингвистики, дав метод уточнения и формализации многих грамматических процессов» (36).

И всё же к 1960-м гг. были учёные, шедшие дальше. Первым был Н. Хомский. Его значение тогда у нас только-только начинали осознавать; многие лингвисты, расположенные к новым методам, долго считали его дескриптивистом. Первым, кто в СССР в полной мере оценил его новаторство, был В. А. Звегинцев, который постоянно выделял у Н. Хомского призыв к тому, чтобы лингвистика изучала язык вместе с говорящим на нём человеком. Но Звегинцев подчёркивал, что Хомский, хотя и включил лингвистику в состав психологии

познания, но слишком увлёкся формальным аппаратом и больше декларировал обращение к говорящему человеку, чем реально это делал. «Компетенция идеального говорящего — слушающего» также вводила лингвистику в жёсткие рамки, пусть несколько иные, чем это было у Ф. де Соссюра.

У нас последовательных хомскианцев долго не было, хотя примерно до середины 70-х гг. за развитием генеративных идей следили. Альтернативой Хомскому у нас тогда считалась модель «Смысл ⇔ Текст». Она также была одним из этапов движения в сторону расширения научных горизонтов. Помню такие два устных высказывания И. А. Мельчука 60–70-х гг. (передаю по памяти): «У Хомского лучше, чем у нас, разработан формальный аппарат, но это и сдерживает его развитие, содержательная сторона за формализмами пропадает». «Мне по существу не важен машинный перевод. Важно понять, каким образом человек говорит». То есть у разработчиков модели были и интерес к содержательным процессам, и стремление понять, что происходит «на самом деле». Отмечу и гораздо большую по сравнению с хомскианством роль семантики в модели. Несомненно, что А. Е. Кибрик, пройдя через этап следования данной модели, многое из её принципов отразит и в будущих постулатах. Но не всё. Для Мельчука сложность формального аппарата, если и могла становиться недостатком, то только таким, который является продолжением достоинств; показательна вышеприведённая цитата о слове. И модель находилась в пределах языка, по Соссюру; мыслительные процессы оставались внутри «чёрного ящика».

В ранних публикациях А. Е. Кибрик ещё находился под влиянием модели «Смысл ⇔ Текст», но к началу 1980-х гг. он пришёл к выводу о том, что и ей свойственно ограничение подходов. «Практически все существующие модели языка, как статические (классическая традиционная грамматика языка, концепция Соссюра, Ельмслева и др.), так и динамические (генеративная грамматика, модель «Смысл ⇔ Текст» и др.), страдают недоучетом функциональной предопределенности языка, производности его от речевой деятельности и прагматических условий его использования» (16).

По-новому учёный подошёл к общим проблемам языка в статьях и докладах, которые появлялись, начиная с середины 1970-х годов, и в итоге составили книгу [Кибрик 1992]. Среди них особенно важна статья «Лингвистические постулаты» (17–27), впервые изданная в 1983 г. и переработанная при включении в книгу. Автор поставил в ней цель «по возможности эксплицитно сформулировать те коренные сдвиги в лингвистической идеологии, которые происходят в ней в последние годы и, как мне думается, должны предопределить ее развитие в ближайшем будущем» (17).

Я сначала перечислю постулаты, а затем прокомментирую большинство из них. «Адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен «на самом деле» (19). «Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» (20). «Как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем» (21). «К области семантики (в широком смысле) относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить адресату для правильной интерпретации

этого высказывания» (22). «Необходима разработка лингвистических моделей класса «МЫСЛЬ-СООБЩЕНИЕ» (23). «Исходными объектами лингвистического описания следует считать значения» (24). «Устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла» (25). «Сложны лингвистические представления о языке вследствие их неадекватности, а язык устроен просто» (25).

Первый постулат направлен против метода «черного ящика», где «задачей моделирования является не изучение ненаблюдаемой «сущности» оригинала, а построение некоторого конструкта произвольной внутренней природы, внешние проявления которого идентичны внешним, наблюдаемым проявлениям оригинала» (18). Этот метод основан «на допущении, что различные по своей природе объекты могут иметь идентичные «входы» и «выходы» (19). Однако «адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен «на самом деле». Что такое «язык на самом деле»? Это совокупность тех знаний, которыми располагает человек, осуществляя языковую деятельность на соответствующем языке. В отличие от метода «черного ящика» «естественное» моделирование языка должно осуществляться с учетом того, как человек реально пользуется языком, то есть, как он овладевает языком, как хранит в своей памяти знания о языке, как использует эти знания в процессе говорения, слушания, познавательной деятельности, и т.д. ... Предполагается, что различные по своему устройству объекты такого класса сложности, к которому относится естественный язык, не могут иметь идентичных «входов» и «выходов» (19).

Очевидно, что «естественное» моделирование языка невозможно в рамках внутренней лингвистики, по Ф. де Соссюру. Для него нужно изучать речь и психологические основы речевой деятельности. Такое изучение, разумеется, происходило и раньше, но многое только начинало исследоваться, а то, что уже было сделано, например, работы А. Р. Лурия и др. по афазии, часто воспринималось как что-то далёкое от лингвистики.

С этим связан и следующий постулат: о границах лингвистики. «То, что считалось «не лингвистикой» на одном этапе, включается в него на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным... И каждый раз снятие очередных ограничений дает новый толчок лингвистической теории, конкретным лингвистическим исследованиям» (20).

В истории науки о языке чередуются периоды расширения и сужения её сюжетов. Двумя эпохами сужения тематики стали период господства сравнительно-исторического языкознания в XIX в. и времена структурализма. Но к 1980-м годам ситуация стала меняться. И если хомскианцы лишь заменили прежние рамки новыми, то лингвисты иных направлений вообще отказались устанавливать жесткие границы лингвистики.

Следующий постулат связан с соотношением синтаксиса и семантики. К 1980-м гг. преимущественное внимание раннего структурализма к фонологии и морфологии уже ушло в прошлое, центр теоретических интересов переместился в сторону до того плохо изученных синтаксиса и семантики. Но приоритеты лингвисты расставляли по-разному. Центральное место синтаксиса в языке — один из важнейших пунктов генеративной теории, и постулат А. Е. Кибрика о предопределении синтаксиса семантикой явно полемичен

против генеративизма. Полемизируя также с «самоограничением, доведённым до абсурда», у некоторых дескриптивистов, изгонявших из лингвистики значения, он пишет: «Можно было бы, нарочито утрируя, сказать прямо противоположное: в лингвистике ничего (или почти ничего) нет, кроме проблемы значения» (20). А. Е. Кибрик отмечает, что «традиционное» языкознание могло понять проблему адекватнее: о примате семантики над синтаксисом говорил еще А. А. Шахматов (22). К данному постулату примыкает и постулат о границах семантики, утверждающий её максимально широкое понимание; в том числе и то, что «прагматические компоненты могут рассматриваться как частные сферы семантического представления» (22).

Следующий постулат прямо полемичен по отношению к модели «Смысл ⇔ Текст», отказывавшейся от рассмотрения мышления. Семантика имеет приоритет перед синтаксисом и тем более перед морфологией, однако в свою очередь «естественно считать, что мыслительные процессы имеют приоритет перед семантикой, поскольку мысль предшествует смыслу и создает его» (24). Но мыслительные процессы изучает целый ряд дисциплин, и «имманентность» лингвистики, тем самым, иллюзорна.

Ещё один постулат касается выбора одного из двух главных направлений изучения языка от смысла к форме или от формы к смыслу. Веками почти всё языкознание шло по пути от формы к смыслу (пассивной грамматики, по Л. В. Щербе), моделирующему деятельность слушающего. Иной путь (активной грамматики, по Л. В. Щербе), моделирующий деятельность говорящего, всерьёз начал избираться лишь недавно. Причины этого понятны. Значения в отличие от форм нам не даны, и критерии их выделения разрабатывались с большим трудом. Однако, исходя из принципа приоритета семантики, А. Е. Кибрик осуждает традиционный подход от формы к значению: «Чем более скрупулезно проводятся такого рода исследования, тем более сложными оказываются соответствия между изучаемыми единицами (формами) и приписываемыми им значениями. Всякий раз оказывается, что некоторая форма имеет много значений (причем распределение значений крайне сложно и все глубже утопает в стихии контекста), а каждое из значений в свою очередь имеет много способов выражения» (24). Он признаёт, что «процесс познавательной деятельности лингвиста должен быть циклическим» (19), совмещающим оба пути исследования, но, прежде всего, нужно идти от значений. Пожалуй, это самый спорный из постулатов: два пути исследования, приближающиеся с разных сторон к своему объекту, отражают две стороны речевой деятельности человека и равно важны. Другое дело — то, что исследования, идущие от значения, развиты хуже, и здесь можно ожидать значительного продвижения.

Соотношение между смыслом и формой в ином аспекте рассматривается и в постулате о мотивированности. Форма, в конечном итоге, всегда мотивируется смыслом, хотя в истории языков бывает, «что эта связь стерта, демотивирована», и тогда надо «искать исходное мотивированное состояние» (25). См. также в других главах книги: «Многие аномалии синхронных состояний парадигматических систем могут быть устранены при более широком объяснительном подходе, учитывающем, в частности, закономерности исторических

изменений грамматических систем» (99). «С исторической точки зрения сомнительно наличие в языке немотивированных связей между значением и формой; кажущееся отсутствие мотивации следует объяснять тем, что эта связь стерта, демотивирована, и необходимо найти исходное мотивированное состояние.... Такой подход означал бы формирование содержательной, а не формальной исторической лингвистики» (130).

Постулат о неразрывной связи грамматических форм и смысла был противопоставлен сразу нескольким положениям структурной лингвистики (или хотя бы части его направлений). Во-первых, неадекватным признано преобладавшее в структурализме представление об описании языка как конечной цели работы лингвиста. А. Е. Кибрик пишет: «Если лингвистика недавнего прошлого допускала лишь вопросы типа «как?» и избегала вопросов «почему?», то теперь ситуация должна коренным образом измениться: нужны именно ответы на вопросы типа «почему?», поскольку только они могут что-либо объяснить» (25). См. также о типологии в другой статье книги: «На смену безраздельного господства... КАК-типологии приходит объяснительная ПОЧЕМУ-типология, призванная ответить не только на вопросы о существовании, но и о причинах существования / несуществования тех или иных явлений» (29). Объяснительный подход к языку, предложенный ещё модистами в XIII–XIV вв., редко встречался у структуралистов. Но к моменту появления статьи его уже провозгласил Н. Хомский, однако концепция А. Е. Кибрика существенно другая.

Во-вторых, из презумпции исходной мотивации следует ограниченное количество грамматических возможностей, которыми обладают языки. Если дескриптивисты полагали, что в каждом новом языке мы можем обнаружить то, что нам никогда не встречалось, то из постулата А. Е. Кибрика следует, что категории грамматики не могут варьироваться до бесконечности. Как сказано во включённой в книгу статье «Язык» в ЛЭС, «степень покрытия универсума значений и принципы его членения не произвольны и не беспредельно разнообразны» (13). Кстати, отмечу, что после сенсационного открытия языка дирбал в 1970е гг., в лингвистике больше, кажется, не было столь повлиявших на развитие теорий фактических открытий.

В-третьих, тезис о поисках «исходного мотивированного состояния» снимает противопоставление синхронии и диахронии в той жёсткой форме, которую придал ей Ф. де Соссюр. Это больше похоже на идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ: статический анализ необходим, но полностью язык быть познан только в динамике. А «стёртая, демотивированная связь» неожиданно напоминает «технизацию» В. И. Абаева. Этот языковед в годы молодости А. Е. Кибрика считался крайним «традиционалистом», но в некоторых случаях мог высказывать интересные идеи.

Последний постулат касается мнимой, по мнению А. Е. Кибрика, сложности языка. «До сих пор... сложность... описаний приписывалась языку как его сущностное свойство» (25). Но «модели такого рода, развиваясь, имеют тенденцию экспоненциально усложняться и становятся не упрощёнными копиями оригинала, а объектами, по сложности не только не уступающими оригиналу, но скорее всего значительно его превосходящими» (19). Выше упоминалось,

что такая осуждаемая А. Е. Кибриком сложность естественна при построении лингвистики по образцу математики. Однако, как сказано в статье из ЛЭС, «Чем проще объект устроен (то есть чем непосредственнее его структура отражает его функции), тем сложнее его познать (в особенности при недоучете функционального аспекта)» (15). Представляется, что слово как раз является таким понятием. Как писал А. Е. Кибрик, «словарные единицы хранятся как готовые к употреблению, автоматически воспроизводимые двусторонние сущности, в то время как единицы, в образовании которых участвуют грамматические правила, в готовом виде в памяти отсутствуют и специально строятся в соответствии с некоторым коммуникативным заданием» (13–14). Слово — базовая единица словаря в этом смысле, а её лингвистические свойства могут быть разными и не совпадать в разных языках.

Вопрос о простоте и сложности в науке о языке тесно связан с проблемой формализации лингвистических исследований. На этой проблеме А. Е. Кибрик остановился в двух главах данной книги, посвящённых типологии. Вспоминая ряд попыток 1960-х годов, он пишет: «Не стоит говорить о такой формализации, которая создается исключительно ради самой себя и не обеспечивает нового, более глубокого понимания предмета, лишь переписывая другим способом давно известные неформализованные истины» (42). В связи с этим он согласен с высказыванием Дж. Лакова: «В настоящий исторический момент любое описание языка, которое тесно связано с некоторой формальной теорией, не в состоянии описать большинство явлений, имеющих в языке» (42–43). Из этого «не следует делать вывод о неприемлемости формального аппарата для описания редких языков. Однако использование его должно быть очень осторожным и осмотрительным» (43). Формализация важна, прежде всего, для лингвиста, толкая его к системному анализу, но не для читателя: «Всякое хорошее формальное описание может быть изложено и неформально» (43).

В другом месте автор высказывается о причинах ограниченности формальных моделей: «Далеко не все языковые явления поддаются описанию с помощью правил-предписаний... Все это заставляет усомниться в универсальности алгоритмического способа мышления и строить деятельностную модель языка на принципе неполной детерминированности» (33). Но как математизировать неполную детерминированность? Опять вспоминается непримиримый враг А. Е. Кибрика и его друзей В. И. Абаев, который, исходя из других теоретических позиций и используя иные термины, пришёл к довольно сходному выводу. Этот языковед не отрицал использования точных методов, в частности, в прикладной лингвистике. Тем не менее, он писал о «математических операциях»: «Во-первых, полезная отдача этих операций как в теоретико-познавательном плане, так и в прикладном в большинстве случаев слишком незначительна по сравнению с затраченным временем и трудом. Во-вторых, — и это главное, — в языкознании... количественные показатели неспособны выявить самое главное — качественное своеобразие явлений. Самое тонкое, самое глубокое, самое человеческое, а потому самое важное в языке остается за пределами применения чисто математических приемов» [Абаев 2006: 121].

Заканчивается статья о постулатах общей оценкой современной лингвистики, которая «еще не осознала своего предназначения», занимаясь «инвентаризациями и классификациями наблюдаемых единиц различных типов» (26). «Такой этап был необходимым звеном в эволюции лингвистики, и проделанный ею труд был поистине титаническим, как титаничен успех младенца, впервые принимающего сидячее положение» (26–27). Мне кажется, что в этих словах Александр Евгеньевич выразил расставание с иллюзиями своей молодости, когда казалось, что цели ясны, а построение полной формализованной модели языка — дело близкого будущего.

Идеи статьи, разумеется, не были только личным достижением А. Е. Кибрика, одновременно к сходным взглядам приходили и его коллеги. Он указывает в начале статьи на ряд отечественных и зарубежных учёных. Но если говорить о предшественниках, то первым должен быть назван Э. Сепир.

Вот, например, выделение функций языка в статье из ЛЭС: «Язык является основной общественно значимой (опосредованной мышлением) формой отражения окружающей человека действительности и самого себя, т. е. формой хранения знаний о действительности (эпистемическая функция), а также средством получения нового знания о действительности (познавательная или когнитивная функция). Эпистемическая функция связывает язык с действительностью..., а познавательная — с мыслительной деятельностью человека... В то же время язык является основным средством человеческого общения (коммуникативная функция), средством передачи информации от говорящего к слушающему (адресату)» (9–10). Несомненно, это классификация Э. Сепира, уточнённая и дополненная в связи с дальнейшим развитием науки. Отмечу также и то, что в эпоху борьбы лингвистов за «имманентность» Э. Сепир подчёркивал связь лингвистики с гуманитарными науками. Необходимо отметить, что под редакцией А. Е. Кибрика вышел том трудов американского учёного [Сепир 1993]. А уже во второй половине 2000 г. он сказал мне: «Сосюрю уже не актуален, его время прошло. А вот Сепир очень современен».

А в целом в нашей науке в эти годы шёл, хотя и по-разному, общий процесс движения в сторону того, что сформулировал А. Е. Кибрик. Могли играть роль и внешние факторы вроде эмиграции того или иного учёного, но и независимо от них движение стало явным. Одни лингвисты заметно эволюционировали в эту сторону (Ю. Д. Апресян, Е. В. Падучева и, безусловно, сам А. Е. Кибрик), другие и раньше придерживались идей, близких к идеям рассматриваемой статьи, но теперь их место в нашей науке стало более значительным (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак). Прагматика в начале 1970-х гг. нередко вызывала к себе настороженное отношение, однако уже к 1980-м гг. прагматика (как и теория речевых актов, дискурсный анализ, лингвистика текста и др.) стала одним из ведущих направлений. Показательна серия «Новое в зарубежной лингвистике», где поздние выпуски в основном включали в себя переводы работ именно по этой тематике, а во вступительных статьях ведущие советские специалисты анализировали процессы, происходящие в мировой науке. Отход от структурализма при одновременном отказе от следования постулатам Н. Хомского проявился в те годы очень явно. Что касается генеративизма, то после 1972 г.

у нас Хомского долго не переводили, а за генеративной литературой многие просто перестали следить; это проявилось в том, что порождающую семантику (идейно наиболее близкое ответвление генеративизма) долго считали ведущим направлением и после того как она в США потеряла популярность.

Новые подходы к науке о языке и резкое расширение её границ в 1980-е гг. стали достаточно очевидны. Я, например, прочтя её в книжном варианте 1992 г., воспринял её не как откровение или нечто новое, но как концентрированное выражение тех идей, которые мне уже казались несомненными и очевидными. Однако прямо о чертах нового этапа в лингвистике говорили редко, отчасти по экстралингвистическим причинам. Александр Евгеньевич, надо отдать ему должное, едва ли не первым это сделал, причём нашёл удачную форму для этого. Не вступая ни с кем в прямую полемику, не называя имён, он сумел высказать главное. В начале 1980-х гг. не все лингвисты того лагеря, к которому он принадлежал, поддержали его постулаты, но время подтвердило их правильность.

Теперь же структурная лингвистика в духе 1960-х гг. продолжает существовать, но отошла на периферию науки. В мире преобладают два направления: так и не завоевавший у нас господства генеративизм и так называемый функционализм. Последнее направление не образует единства, но его представители в разных странах объединяются некоторыми общими принципами, многие из которых, как мне представляется, были удачно два-три десятка лет назад сформулированы А. Е. Кибриком.

Литература

1. *Абаев* 2006 — Абаев В. И. Статьи по теории и истории языкознания. М., 2006 (первое издание — 1965 г.).
2. *Кибрик* 1992 — Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., МГУ, 1992.
3. *Мельчук* 1997 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I. Слово. М., 1997.
4. *Сепир* 1993 — Сепир Э. Избранные работы по языкознанию и культурологии. М., 1993.
5. *Трубецкой* 2004 — Письма и заметки Н. С. Трубецкого. М., 2004.